

МАРГАРИТА АЗАРОВА

ОЦЕЛОТ КУНА

Москва
Грифон
2016

Маргарита Азарова

Оцелот Куна

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21991762

Оцелот Куна: Грифон; Москва; 2016

ISBN 978-5-98862-306-9

Аннотация

«...Очнувшись, я обнаружил, что лежу на берегу, и набегающие волны раскачивают, словно щепку, моё бесчувственное тело. „Интересно, тот ли это берег, о котором говорил капитан“, – это первая моя здравая мысль после того, как я почувствовал, что конечности мои целы. Открывшаяся взору картина больше была похожа на кадры из фантастического фильма, чем на реальность. Кристально белый, похожий на крупички сахара песок, кокосовые пальмы со свисающими орехами, похожими на гигантские груди, полные молока... и люди...».

Тайны идеального мира, который сосуществует вместе с привычной реальностью, близко от нас, но в то же время – так далеко, раскрываются перед читателем этой книги.

Перед каждым стоит нелёгкий выбор. Важно не ошибиться, сделав первый шаг...

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	7
1. Голос в оболочке её тела	7
2. До – пятка, соль – мысок	13
Глава вторая	16
1. Синусоида моих мыслей	16
2. Задрапированная иллюзия	19
3. Ходячий грех	26
4. Изнанка в отражении жемчужины	34
5. Сказка о маленькой курочке Фёкле	40
Глава третья	50
1. Инфернальное облако	50
2. Жемчужные слёзы	57
3. Потомственный ювелир	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Маргарита Азарова

Оцелот Куна

© М. Азарова, 2016

Романтика – очищающий дождь жизни.

Предисловие

Поскольку я звукорежиссёр, а не писатель, то надеюсь на понимание используемых мною приёмов изложения и лояльность к художественным умозаключениям при написании текста от третьего лица, который я доверил моему другу Эндрю. Многие пришлось представлять и домысливать из тех крупиц собранной информации, без которых просто нельзя было обойтись для поддержания причинно-следственных связей, логической цепи и стройности изложения событий, случившихся со мной.

Представляем на ваш суд наше коллективное детище...

Глава первая

1. Голос в оболочке её тела

Я страстно хотел её голос в оболочке её тела. Он ласкал меня прерывистым дыханием, и, казалось, я могу дотронуться до него, поймать руками и прижать к своим, жаждущим его губам. Я открыл глаза и улыбнулся своим обречённым на непонимание мыслям.

– Я тебе говорю серьёзные вещи, а ты улыбаешься.

– Я хочу твой голос, – сказал я.

– А я хочу «Мерседес», дом на Рублёвке, путешествие на шестизвёздочном круизном лайнере...

– Очень прозаично, милая моя.

– Зато правда. Ты разве не хочешь красоты, богатства?...

– Я хочу заниматься тем, что мне нравится, но не ради денег. А деньги мне нужны, не спорю, но для свободы от нудной, неинтересной деятельности, направленной в данном случае лишь на выживание и получение материальных благ, принятых обязательными для признания в определённой социальной среде. И в путешествии я хочу впитать в себя впечатления, которые выражу в творчестве. И машину я хочу не для «пыли в глаза», а чтобы не расшатывала вселенную моего мироощущения, опять же для творчества, то есть – что-

бы элементарно хотя бы была надёжной и не ломалась сразу после приобретения. Понимаешь?

– Какой ты приземлённый.

– Я приземлённый?! У нас с тобой разное понимание этого определения. Давай сменим тему. У тебя потрясающе чувственный голос, я его хочу.

– Что за шутки?... Я хочу очень дорого продавать, как ты говоришь, чувственность моего голоса и сам голос. Вот задача номер один. У человека должна быть цель.

Моя цель тебе ясна?

– А как же любовь? Значит, и твой голос не любит меня?

– Мой голос – это я, не обижайся. Секс – это же не любовь...

Наш словесный пинг-понг меня ничуть не напрягал, а нечаянные мячики слов о сексе и любви сближали нас (как мне казалось) с каждой такой игрой всё больше и больше.

Её ротик завораживал меня своей артикуляцией, я наслаждался зрелищем его воркования: как при улыбке у неё приподнимается верхняя губа, обнажая великолепные белоснежные зубки, или при букве «ю» её трубочка из губ приносит мне вкус карамели из детства.

– Не скажи. Всё очень даже взаимосвязано. Любишь ты кого-нибудь, к примеру, любишь, а он под тобой засыпает, а говорит, что любит – это похоже на любовь-сострадание или чувства родственничка во спасение. Обоюдный, не побоюсь этого слова, оргазм при духовном, так сказать, родстве доро-

того стоит, не находишь? По-моему, это и есть любовь.

Моя интуиция подсказывает, что секс всё-таки будет.

– Пригласи меня в ресторан, подари букет роз, своди в театр, наконец. Хотя – нет, в театр, пожалуй, не надо: ты как театральный звукорежиссёр, наверное, и действие-то на сцене не воспринимаешь.

Я её слушаю, но не слышу, вернее, слышу только мелодию её голоса, для секса без любви мне было бы достаточно её стона, вернее – звука стона её голоса. И на том спасибо. Такое вот не обоюдное соглашение. Хотя, наверное, лучше ничего не раскладывать по полкам – где любовь, где секс, а быть в некой оболочке тайны, ведь нельзя предугадать, когда и как прикоснётся к нам любовь: стоном, взглядом или кончиками пальцев...

Звали её Жанна, она училась на последнем курсе вокального отделения Гнесинки. Весьма плодотворный результат влияния профессиональной почвы на ниве знакомств. А мои мечты о свободном от презренного металла творчестве были руководством к действию с самого моего осознания себя в мире музыки, то есть почти с рождения. Мои родители – музыканты: мама – флейтистка, папа – скрипач. Они направили меня в нужное русло, не отбив охоту заниматься музыкой даже в возрасте относительной вседозволенности, когда я мог уже не руководствоваться наставлениями в выборе профессии близких людей, предоставивших мне полную свободу выбора в этом вопросе. И посему редкий день

из окон нашей квартиры не доносилась фортепианная музыка моего собственного исполнения, это как кефир на ужин (грубо, утрированно, в части сравнения, но чистая правда). Жизнь казалась мне пустой и никчёмной без музыки.

Чайковский, Рахманинов, Польша, Мориа...

Иногда я ощущаю себя затонувшим кораблём, но не на дне моря, а в пустыне. Всё цело – ни одной пробоины, парус ждёт энергию ветра. Я не возвышаюсь над песчаным морем – я часть его, но неуклюже большая, замершая на месте и непонимающая, как идти вперёд, когда вокруг тебя не твоя стихия. По ней же надо приспособиться плыть проторенными путями, и вдруг песок, служивший мне опорой, начинает осыпаться и обнажать мой киль, и я парю в воздухе, а на палубе моей души рождается музыка. Она заполняет всё вокруг, и всё приходит в движение: о мой борт разбиваются солёные волны, и брызги достигают капитанского мостика, и моя грудь как паруса вдыхает дух свободы над рутинной и обыденностью повседневной жизни застывшего песка, способного только перетекать в сосудах времени песочных часов.

– А как ты относишься к бэк-вокалу? – спросил я.

– Положительно.

– Значит, тебе можно предложить материалчик для рассмотрения.

– Не бесплатно, конечно?!

– Нет, не бесплатно. Люди заплатят. Послушаешь?

Я втиснул диск в магнитолау своего раздолбанного авто. Полилась лиричная музыка, и бархатный голос запел о вечном.

– Зацепило?

– Да, в этом что-то есть. Давай, я посмотрю, что можно сделать.

Через день я был опять во власти её голоса. Она так пела на этом чёртовом диске, что я слышал только один бэк-вокал. Что за волшебный тембр...

Этот голос владевает надо мной, но мысли он излагает очень спорные. Но он на службе у музыки...

За это ему и его хозяйке всё прощается...

Я стал задумываться об особенностях этого феномена: любить звук чужого голоса и не просто любить, а страстно хотеть это не материализованное чудо.

Наконец я дошёл до «сути» своих рассуждений. Иных мужчин возбуждают в женщине отдельные части тела, и, найдя их в определённой представительнице, они уже не концентрируют внимание на всём остальном, рассматривая уже это остальное через призму конкретного объекта своего вождения.

Вот я загнул. Представим, что голос материален, и вот оно, прозрение – он объект моего вождения. Всё, прекращаю думать на эту тему.

Но как она всё же чувствует нюансы, как она проставляет свои вокальные акценты! Это просто диво дивное. Если

даже это не любовь, всё же терять её из виду никак нельзя, несмотря на весь свой багаж желаний, она – воплощение своего голоса.

2. До – пятка, соль – мысок

Сегодня был тот редкий день, когда можно было принадлежать себе и не задумываться о последствиях такого досуга. Погода располагала к прогулке. Снежинки бабочками слетались на рукотворные городские сугробы, под ногами снег скрипел своей постоянной квинтой, и это постоянство настраивало на спокойное циклично-надёжное восприятие мироздания. Это было не дежавю, а какое-то понимание фатальности происходящего, когда ты точно знаешь – именно так всё и должно быть: должен падать именно такой снег, именно так должны плыть облака и должно светить солнце.

– Хочешь, пойдём в кино, – предложил я Жанне.

– Сто лет не была в кинотеатре. По телику всё время какие-то сериалы гоняют.

– Да, по телику теперь фильмы идут в промежутках многосерийной рекламы с быстро меняющейся смысловой нагрузкой. Убегая от этого абсурда, переключая, можно попасть в сюрреализм: услышав какой-либо вопрос на одном канале, тут же получить на него ответ в передаче по совершенно противоположной тематике на другом канале, будто нажатием кнопки пульта управляешь неведомым шоу...

Попытался вспомнить хоть один пример, но, видимо, мои эмоции, сопровождающие это явление, отторгли логику и не дали скрестить ни одну из фраз. Я перестал копаться в угол-

ках памяти и посмотрел на табло с расписанием сеансов.

Билетов, как ни странно, в кассе оказалось мало (не до выбора желанной позиции для просмотра), и мы довольствовались крайними местами от прохода. И народ никак не мог уgomониться – сновал мимо туда-сюда, постоянно соприкасаясь с нами невозможным образом: руками, ногами, пакетами с едой, бутылками пива, своим ауристическим настроением...

Сегодня мне этот тусовочный нон-стоп мешал больше, чем обычно, и в какой-то момент у меня возникло желание вообще ретироваться: мне казалось, что публика не уймётся никогда...

– Спокойно, – сказал я себе, – не так всё плохо, надо о билетах заботиться заранее, и я даю себе установку: никто не испортит, не расплещет моего всепрощающего, всеобъемлющего настроения.

Жанну, видимо, этот «хоровод» вокруг нас не напрягал, она сидела спокойно в ожидании сеанса.

– Смотрим? – спросил я её.

– Смотрим, – ответила она.

Я не пытался взять её за руку, хотя до сеанса думал, что этот знак внимания я сегодня себе позволю. Меня целиком захватил сюжет, что бывает нечасто. Обычная мелодрама, но как-то по-иному представил режиссёр тему адюльтера, высматривая в человеческих поступках и мыслях предпосылки и, в зависимости от внутренней, душевной организации

героев, результат этих предпосылок. Мужчина женился, но, не задумываясь над мотивацией и последствиями своих действий, идёт на поводу у своих обычных сексуальных потребностей. Ему даже не приходит в голову мысль, что он может лишиться главной женщины в своей жизни, поддавшись мимолётному увлечению. Она – его жена, обладающая более тонкой душевной организацией, встретив своего бывшего возлюбленного, вдруг понимает, что любит его именно той любовью, которая давала бы ей полноту чувств, в которой нет места мелочным подозрениям, банальной ревности... Но – готова ли она перечеркнуть всё то, чем она связана с мужем? И какая измена несёт большую разрушительную силу отношениям между мужчиной и женщиной – физическая или духовная?...

После сеанса Жанна была необычно задумчива и молчалива.

Мы вышли из душного, полного неуёмной энергетики помещения. Снег под моими ногами – как клавиши под пальцами музыканта – выдавал «до», «соль»: «до» – пятка, «соль» – мысок. И слышалось: на октаву выше Жанна – «до» – пятка, «соль» – мысок. Сейчас я готов был к этой музыке, и она не казалась мне однообразной.

Глава вторая

1. Синусоида моих мыслей

Синусоида моих мыслей замерла на полпути, не достигнув очередной своей фазы: туда плюхнулось моё недоумение, накопленное от состояния эмбриона до дипломированного специалиста в области звукорежиссуры. Если в твоей голове звучит музыка и при этом ты думаешь, как технически довести её выразительность до совершенства, значит, ты звукорежиссёр – другого не дано. И выкидывать его, то есть звукорежиссёра, из творческой амплитуды бесцеремонной иллюстрации прозаических взаимоотношений человеческих индивидуумов, по меньшей мере, негуманно.

– Как оказалось это бесформенное создание женского пола в неглиже в святая святых повелителей звука? Как?

До спектакля тридцать минут, а ответ на этот вопрос остаётся риторическим. Над ней не пришлось бы работать костюмеру, а тем более – гримёру, если бы она была занята в апофеозе батальных сцен. Но палитра красок, замешанная на лице и теле, не вызывала сочувствия, а скорее удивляла, вызывала чувство отвращения и какого-то ощущения, похожего на сам объект, скотской брезгливости.

– Да, не ожидал я сам от себя, право, не ожидал.

– Сноб я, что ли, отпетый?

– Нет, ещё не хватало мне моего гороскопо-скорпионско-го, саморазрушительного анализа восприятия внешнего мира и своей роли в нём.

– Ни за что!

– Тётка, ты как здесь оказалась, такая вся красивая, не побоюсь этого слова, эротично-наглая, на рабочем месте людей высокоинтеллектуального труда?

Ответа не последовало, а я понимал, что только чисто механически для себя задаю вопрос, но ответа на него слышать не хочу. Я не хочу её видеть. Хочу закрыть глаза и, открыв их, обнаружить, что всё это мне просто показалось от чрезмерной впечатлительности. Но, оглянувшись, я понял, что мне так просто не отделаться, я не смогу спрятать голову в песок... не смогу прошагать мимо и – пусть эту пакостную кашу расхлёбывает кто-нибудь другой.

Рядом со мной стоял народ и в глубоком недоумении смотрел на это чудо-юдо, ожидая объяснений её неформальному присутствию в храме служителей Мельпомены. Я пребывал в глубоком замешательстве.

А создание женского пола соизволило открыть рот и выплеснуть нам – невольным слушателям – звуки, причём, коснувшиеся в большей мере почему-то меня:

– Немного подташнивает, но это ничего, главное – тепло. Сейчас симпатичный старикан притащит мне харчика, а может – даже стаканчик водочки...

– И что же ты, малолетка, глазеешь на меня и бормочешь себе под нос, голых баб не видел? Вот ведь молодёжь пошла, а, может, ты хочешь развлечься, сосунок, так я не прочь, только за всё, дружок, надо платить. Ах, да ещё старикан сейчас завалится сюда. Но ничего и с двумя справлюсь, и не такое со мной бывало. Если бы ты меня видел в молодости, какая я была куколка...

– Заходи, выюноша, будь как дома. ХА-ХА-ХА...

– Что здесь происходит? Кто это??? – это бдительный охранник, очень удивлён присутствием в театре изрядно поддатой голой бабы. Перед ним встал непростой выбор: выкинуть её на улицу голой или всё же проявить некую гуманность и прикрыть наготу, а уж только потом вытолкать взащей.

2. Задрапированная иллюзия

Весь набежавший, взбудораженный зрелищем народ, включая сотрудника службы безопасности театра, растворился в кулуарах «задрапированной иллюзии». А я почему-то стоял на месте. Бог мой, это твоя заповедь: помоги ближнему своему? Заповедь, ставшая моей жизненной установкой, не давала мне оставить эту кустодиевскую красавицу без внимания. Продолжая пребывать в глубоком шоке, ежесекундно борясь с отвращением, и, несмотря на то, что она нагло приманивала меня грязным крючковатым пальцем, я всё же, следуя её призывному жесту, подошёл к ней.

– Молодой человек, а что вы знаете о жемчуге?

Обстановка, а самое главное – вид этой женщины никак не предполагали, что она может внятно говорить, тем более на такую тему, но, тем не менее, вопрос прозвучал. Моя впечатлительная натура не могла сразу совместить множество мелких и глобальных противоречий, и я рефлекторно медлил с ответом.

– Посмотри на меня, думаешь, я всегда была такой?

Я хотел ей сказать, что времени для бесед нет, сейчас начнётся спектакль, и ей нет места за звукорежиссёрским пультом. Я человек суперобязательный, и возникшая дилемма вдруг толкнула меня на неожиданные с моей стороны действия. Не знаю, откуда взялись силы, победившие брезгли-

вость, но я, накинув на неё свой пиджак, быстренько, насколько это было возможно, запихнул её уже прикрытое женское тело в подсобное помещение театра, забитое всяким реквизитом, и приказал ей строго-настрога, чтобы она не высывалась и ждала меня здесь. Как только появится возможность, я приду к ней, и мы продолжим разговор... о жемчуге...

Второй звонок: мне надо сосредоточиться на моих прямых обязанностях. Надо собрать мозги в кучу – это главная задача. Так, с акустическими системами всё в порядке; ревербераторы, компрессоры, микрофоны, эквалайзеры и главный мой сотоварищ по работе – микшерский пульт, не подведите меня. Помреж ничего не сообщил ни об изменениях в тексте пьесы, ни о замене исполнителей, значит, действую согласно звуковой партитуре спектакля.

Третий звонок: мысленный прогон по партитуре всей фонограммы – каждое место включения, действенный смысл каждого музыкального куска, каждого шума, каждого звукового эффекта...

Не волноваться, «голова в партитуре», но и её наличие на бумажном носителе под рукой и вот ещё – текста пьесы для полноты картины – обязательны.

Визуальный контакт со сценой – есть...

Зрители нетерпеливо дёргаются на своих местах, словно присели на секунду и вот-вот сорвутся и побегут дальше по своим делам.

– Да успокойтесь вы, вот, уже даю начальную увертюру к спектаклю...

Я выдохнул, и вы выдохните или вдохните...

Действие началось. Но всё как-то сразу пошло не по сценарию, хотя я не мог конкретно сказать, что же именно не так. И я покатился на колесе инерции, стараясь не обращать внимания на мелочи.

В середине второго акта обнаружилось некое непонятное действие на сцене. Сценическая площадка, показав свои динамические возможности, заложенные в ней инженерной мыслью, по задумке постановщика спектакля стала вращаться, предоставив нам скрытую от зрителя свою оборотную составляющую, и, о боже, на повернувшейся части сцены, на диванчике в стиле барокко возлежала та самая дамочка в моём пиджаке... распахнув его навстречу зрителю...

Если после этого я не поседел, то только чудом.

Было видно, что партер, а за ним и весь зрительный зал взбудоражен появлением «актрисы» в таком откровенном наряде, вернее – отсутствием оного. Бинокли, как по команде, взметнулись к глазам, и воздух насытился гормональным пресыщением. Некоторые зрители, знавшие содержание спектакля, не успели отреагировать на эту мизансцену, они были в замешательстве, пытаясь анализировать происходящее, но, видимо, решив, что это очередной ход, новая трактовка замысла постановщика спектакля, первыми начали аплодировать, включаясь и одобряя происходящее как новую

версию, новое видение сюжета...

Оценив реакцию публики, работники сцены умудрились не дать занавес, но дальнейшее трудно даже описать словами. Оно не поддаётся никакому логическому объяснению.

«Дама» поднялась с диванчика, превратившись при этом ни больше ни меньше в Жанну, обладательницу вожделенного мной голоса и, видимо, насколько я теперь понимаю, не только его, несмотря на весь её прагматизм. Её бархатистая смуглая кожа, прямые длинные волосы, цвета воронова крыла, чувственные губы; вся её точёная фигурка производила завораживающее, необыкновенное зрелище. Но особый магнетизм исходил от красовавшейся на её открытой грациозной шее крупной, чёрной, атласно-матовой жемчужины...

Если бы это всё происходило не на моих глазах, вы понимаете, чего бы заслуживал этот рассказ из чужих уст.

Разум и сознание растеклись по микшерскому пульту. Мой взгляд устремился, казалось, в какое-то туманное облако, мешающее лицезреть этот завораживающий абсурд, и которое просто хотелось раздвинуть руками, проникнув сквозь него, чтобы не пропустить ни одного мгновения.

Что я собственно и сделал, сам не понимая – как.

Повторюсь: на сцене стояла Жанна, она была прекрасна; протянув театральным жестом к публике руки, спросила:

– А что вы знаете о жемчуге?

Как мне помнится, этот вопрос уже звучал сегодня из уст одной особы женского пола. Зациклились все сегодня, что

ли, на этом жемчуге? Ах, я ещё мог рассуждать...

Зрители, несмотря на то, что по всем признакам девушка являлась виновницей их внезапного неуправляемого поведения, теперь уже мало обращали на неё внимания. Публика всколыхнулась и, словно проснувшись, стараясь догнать уходящий поезд, стала делать всё то, в чём каждая человеческая особь, находившаяся в зале, сдерживала себя, казалось, на протяжении многих лет. Взрослые дети звонили престарелым родителям, в нецензурной форме высказывая накопившиеся обиды. Родители делали то же самое по отношению к детям. С виду нормальные мужики стали шептать опять же мужикам на ухо какие-то скабрёзности, оглаживая их ягодицы, причём, совершенно не обращая внимания на то, что они под визуальным прицелом окружающих их людей. Но и действительно, никому ни до кого не было никакого дела, если это не ущемляло чьи-то сиюминутные желания. Кто-то шарил в карманах чужого пиджака. Кто-то, с необузданным вожделением, не дожидаясь антракта, поедал пирожные, засовывая их в рот без разбора. Сдержанные чопорные дамочки в зале сами назойливо знакомились с понравившимися им мужчинами. Одна из них тут же стала раздеваться, делая характерные телодвижения, видимо, насмотревшись журналов или фильмов определённой направленности. Мужчины, пришедшие в театр с жёнами, переходя границы вседозволенности, вскакивали со своих мест и мчались к девам, которых они заприметили, прогуливаясь в фойе со своей наску-

чившей «второй половинкой». Один субъект, не добежав до туалета, как самая последняя дворняга, опорожнился недалеко от, не побоюсь этого слова, моего «присутственного» места. Видимо, демонстрируя, что ему давно на всех «опорожниться»...

Влюблённые вдруг отрывались друг от друга и менялись партнёрами. Бедлам стоял невероятный...

Виновница превращения театра в «сумасшедший дом», иронично улыбаясь, прогуливалась вдоль рядов. Она превратилась в незримую эфирную субстанцию, доступную только моему взору. Так как со сто процентной очевидностью можно было утверждать, что люди, сталкиваясь с ней взглядом и телом, не реагировали на неё как на препятствие, проходили сквозь неё, не проявляя никакого замешательства, будто её нет вовсе. И теперь публика в зале – это герои театрального действия, а мы с Жанной – зрители. Только она и я. И от этого становилось жутко.

Вдруг она очутилась рядом со мной, и казалось, что она воспринимает меня как незнакомого ей человека. Вблизи она была ещё прекрасней. Она опустила своё божественно-демоническое тело на микшерский пульт и пропела голосом самой нежнейшей флейты:

– А вы, молодой человек, что знаете о жемчуге?

Жемчужный психоз какой-то, почему всех сегодня мучает этот вопрос?

Даю голову на отсечение: если бы я даже что-нибудь и

знал, то вряд ли в этот момент вспомнил. Я даже и не пытался что-либо прояснить ей в ответ. Не на экзамене всё же.

Но она, казалось, и не ждала от меня никакого ответа: ни конкретного, ни отвлечённого...

А дальше случилось необъяснимое, противоестественное: я увидел своё отражение в чёрной жемчужине... и шагнул в него...

3. Ходячий грех

В аппаратной уже было темно, но метаморфозы превращений, галлюциногенные видения и последующие неконтролируемые с моей стороны действия выбили меня из колеи, и я сидел в этой темноте, опустошённый, углубившись в процесс восстановления пазлов своей жизненной активности.

Дверь отворилась, и передо мной предстал Глеб Максимилианович собственной персоной. Не спрашивая ничего определённого, кроме скороговорочного:

– А почему у тебя так темно?

По-хозяйски щёлкнул выключателем и стал как-то, я бы сказал, метаться по аппаратной, заглядывая даже под стулья, которые и так хорошо просматривались без тщательного фокусирования внимания на них. При этом бубнил, эмоционально размахивая руками, как если бы рядом никого не было, из чего я сделал вывод: он мне или бесконечно доверяет, или мой визитёр умеет абстрагироваться, целиком и полностью концентрируясь на своей личной проблеме:

– Вот в костюмерной нашёлся подходящий халатик, в буфете сегодня замечательные сосиски и ещё кое-что для сугрева души, по велению дамы. Что, я не могу встретиться с женщиной? Всё у них хиханьки да хаханьки: «Седина в бороду, а бес в ребро» видите ли, ах-ах-ах, как мы остроумны.

Хотел бы я посмотреть на вас в моём возрасте. Я-то ещё о-го-го, дай бог каждому. Я не могу упустить ни единого шанса, даже намёка на шанс проявления женской ласки, потому что я ещё, чёрт возьми, не помер и хочу обыкновенную бабу без всяких богемных капризов, какими кишмя кишит этот насквозь лживый мир театральных, так сказать, подмостков. Вот она была рядом – простая, горячая, и ничего, что от неё непрезентабельно пахло. Я её накормлю, умою, и будет как новенькая...

Чую, сорвали мою ягоду-малину. И что все лезут в мою личную жизнь? Кто сказал, что я не имею права привести её в театр?...

А, может, вы, как всегда, хотите объяснительную? Конечно, где вы ещё найдёте такого ценного работника, такого инженера как я за такие гроши? Слабо выгнать? А на такую объяснительную что скажете:

«Я, Хромов Глеб Максимилианович, по пути на службу в театр, при пересечении аллеи увидел несчастную женщину, зывающую о помощи, я не мог пройти против такого вопиющего факта человеческой несправедливости и привёл её в театр, чтобы дать ей что-нибудь из своей одежды и накормить. О чём нисколько не сожалею.

Я никогда не пройду мимо собачки или котика, нуждающегося в сострадании, а уж мимо человека и подавно...»

Наконец, без всякого связующего перехода между его действиями и вопросом, Глеб Максимилианович прогнусавил:

– Хочешь водички?

И при этом неизвестно из какого потайного кармана извлёк на свет бутылку минералки. После моментально выстроенного в моём сознании ассоциативного ряда я, отнекиваясь, замахал не только руками, но и ногами. Он недоуменно посмотрел на мои телодвижения, но настаивать не стал.

– Самому больше достанется.

Надо отметить, старикан он был, несмотря на преклонные годы, башковитый и ещё полон неуёмного желания самоутверждения в некоторых, не будем указывать пальцем, сферах жизни. Следя за его блуждающим взглядом, я в то же время наблюдал, как он открывает бутылку с минералкой, и насколько мог отошёл от него подальше.

Недавно точно такая же бутылочка с её содержимым наделала очень много шума в театре. Видимо, сдержат естественную потребность в уриноиспускании и при этом отказать себе в возможности быть ленивым – не дойти до писсуара – в определённом возрасте сложно; Глеб Максимилианович нашёл свой способ обхода подобного рода трудностей: периодически своей уриной он наполнял бутылку из-под минералки, затыкал пробочкой и ставил на видное место на полочку. Театр решил почистить свои пёрышки, и бутылка с неплотно, по всей вероятности, закрытой пробочкой, упала на пол и, естественно, что?... разлилась...

Отмыть или как-то отчистить и выветрить это было невозможно на протяжении долгого времени. А эстеты, желающие

почему-то дышать в театре воздухом искусства, очень даже были возмущены действиями этого великолепного, но вот только с незначительными поведенческими отклонениями человека. Разумеется, бутылку такой формы, точной копии той минералки, я взять из его рук не мог, иначе пришлось бы пол отмывать от чего-нибудь другого, уже связанного со мной.

Прервав процесс своих размышлений, я спросил:

– Что вы ищете, Глеб Максимилианович?

– Я? Ищу? С чего вы взяли?

– Давайте начистоту (улыбнулся я очень вовремя двусмысленно вылетевшему из меня слову в свете моих воспоминаний о «минеральной воде»), это видно по вашему бегущему взгляду.

– Да? Молодой человек, вы очень наблюдательны...

– И всё же? – настойчиво возобновил я наш диалог.

– Ну хорошо. Только вам, по секрету. У меня в кабинете была дама, которую я хотел облагодетельствовать, а теперь её там нет. Испарилась. Но, говорят, кто-то видел, как вы её куда-то увели, но здесь я её не наблюдаю, следовательно, сплетни...

– Да, Глеб Максимилианович, похоже на то. Люди у нас любят посудачить, вы же сами знаете.

– Да, да, конечно, – задумчиво протянул он.

– А где вы-то её нашли? – на всякий случай спросил я.

– Ах, так значит, всё-таки вы её видели?

– Глеб Максимилианович, чем быстрее между нами возникнет доверие, тем быстрее мы найдём вашу пессию. Её видели многие, в том числе и я.

Сотрудники театра то и дело стали заглядывать в аппаратную, может, они заглядывали и раньше, но я заметил это только сейчас. По беспечному выражению их лиц я понял, что почему-то их ничего не обескуражило в сегодняшнем спектакле и всё для них, видимо, прошло как всегда. Это меня насторожило ещё больше и не давало быть вполне откровенным с Глебом Максимилиановичем. Внутренне я был доволен, что этот «ходячий грех» – осколок былой женской привлекательности – куда-то испарился, избавив меня от лишних объяснений и хлопот...

Хотя?!

– А вы в подсобке смотрели? – спросил я Глеба Максимилиановича.

Глаза апологета женских прелестей маслянисто залоснились, и он моментально исчез, даже не расшаркавшись на прощание.

Но моё личное состояние, после пережитого, оставляло желать лучшего: я на этом спектакле без прогонов и генеральных репетиций оказался втянутым в роль главного героя, причём, до сих пор не осознавшего, что же произошло на сцене, а что – за кулисами, а не зрителем, как мне казалось вначале. Мой шаг в жемчужину на шее Жанны – розыгрыш или какая-то удивительная фантасмагория, которую я ощу-

тил на себе, чёрт возьми, вполне реально.

Жемчужина, обнаруженная мной в кармане пиджака, таинственным образом небрежно брошенного на микшерском пульте, обескуражила меня окончательно. Она словно уголёк, выхваченный из пепелища, жгла мне руку. В голове от этого жара стали рождаться немыслимые, феерические образы.

Для установления душевного равновесия мне надо было встретиться с Эндрю. Набирая номер его мобильного, я почему-то подумал о том, как редко интересовался его внутренним состоянием, хотя, может, это было бы излишним, захотел бы – сам рассказал, но мне казалось, что из всех моих друзей только он мог оценить степень моего замешательства. За последнее время мы с ним очень сблизились и практически ничего не скрывали друг от друга.

До сих пор я не вступал в кардинальное противоречие с самим собой. Иначе, я думаю, как творческий человек непременно придумал бы себе псевдоним или нацепил на себя какой-нибудь эпатажный образ; или, как Эндрю, кардинально сменил сферу деятельности, чтобы попробовать жизнь с иной стороны, – и не только для получения социального опыта общения и навыков, непривычных для человека интеллектуального труда, каковым являюсь и я, а для эмпирического опробования выживания в незнакомой среде и выбора своей окончательной ниши в этой жизни. Эндрю, придя в наш театр, сразу привлёк моё внимание своей неор-

динарностью, которая проявлялась в первую очередь в поведении и внешнем виде, совершенно не совпадающем с представлением о том, каким должен быть монтировщик сцены в театре. Монтировщики сцены, как правило, были коренастые, мускулистые, не чуждающиеся крепких горячительных напитков, отдыхающие в клубах табачного дыма, использующие для вербального общения крепкие словечки, которые у интеллигентных людей, может, и вылетают, но только в очень экстремальных, можно сказать – мотивированных случаях.

Похоже, для Эндрю пребывание в театре в качестве монтировщика сцены – это своеобразная цоевская кочегарка или долматовская Сорбонна, пути приспособляемости, накопления нравственного чуждого опыта или своеобразного получения удовольствия от жизни.

Возможно, он и сам не мог разобраться в своих психологических метаниях, но уважение вызывал тот факт, что в поисках себя он всегда помнил, что главный кормилец в семье.

Но путь, на который он ступил, требовал очень хорошей физической подготовки. Тогда как его субтильные анатомические параметры целиком и полностью соответствовали образу интеллигента в очках (первичном признаке интеллигентской кастовости), с неизменной книгой в руках, которая не способствовала развитию мускулатуры, навыков и смекалки, которой, впрочем, Эндрю было не занимать. Деятельность монтировщиков сцены в театре нельзя переоце-

нить: они собирают и разбирают декорации, задействованные в спектакле до, во время (бесшумно передвигаясь, таскают подъёмные декорации – столы, стулья, шкафы...) и после него. Собирают целые дома на сцене, потом экстренно разбирают перед демонстрацией другого очередного спектакля, затем собирают вновь – для вечернего, и так далее, и тому подобное. Также для стабильности всевозможных занавесок и портьер придавливают их к полу меточками с песком, так называемыми «крысами» и чугунными грузиками, и занимаются ещё многим другим, без чего невозможен процесс создания достоверности – при всей иллюзорности театрального действия.

К счастью, Эндрю сказал, что у него есть свободный часок до работы.

– Я угощаю, – предупредил я его заранее, испытывая в этом жесте доброй воли потребность и прекрасно понимая, что его карманы как всегда пусты. Бюджетом распорядилась его жена, а денег на семью – двое взрослых и ребёнок- катастрофически не хватало.

4. Изнанка в отражении жемчужины

– Только, знаешь, – предупредил я Эндрю, с плотоядным удовольствием зацепившего вилкой сосиску из непритязательного меню нашей театральной столовой, – давай обойдёмся без принятых сентенций типа: «Станиславский сказал бы: не верю!».

– Что ты так разволновался? Клянусь ко всему тобой произнесённому отнестись серьёзно, избегать банальных фраз, что зависит, кстати, от твоего повествования...

И он поднял указательный и средний пальцы правой руки в знак клятвенно заверения в сказанном.

– Но поесть-то мы можем, а то очень кушать хочется.

– Ешь, только молча и слушай.

Я для быстроты изложения (время поджимало) достаточно сухими оборотами речи поведал ему о происшествии в театре до момента моего погружения в жемчужину.

– Кстати, – поинтересовался я, а где ты был во время спектакля?

– Сегодня пришлось сидеть с ребёнком, вот ночью буду отрабатывать. Я думал, – разочарованно протянул Эндрю, – с тобой произошло что-нибудь эротичное.

– Произошло, – неожиданно для себя выкрикнул я так громко, что люди за соседними столиками на мгновение оторвались от своей трапезы и вскинули на меня – нарушителя

их спокойствия – удивлённые глаза. – Но всё же я до сих пор не могу понять – произошло или не произошло, – произнёс я тише.

Эндрю со скабрёзно-лиричным выражением лица (если, конечно, такое бывает) продекламировал:

– Он провёл своей горячей рукой по её запястью и поднёс её руку к своим губам. Потом он крепко обхватил гибкий стан и привлек её к себе. Обнимая одной рукой, он медленно растёгивал пуговицы на её блузке. Стал жадно целовать необременённые нижним бельём груди, похожие на два спелых персика, такие же нежные и бархатистые на ощупь. Рука скользнула под юбку, под которой также не оказалось нижнего белья. Он чуть не задохнулся от прокатившейся по его телу волны страсти. Он вошел в её лоно с чувством наивысшей эйфории, не испытанной доселе ни разу, и только несколько мгновений спустя вдруг почувствовал, как течёт кровь по его лицу, которое она с остервенением царапала всё это время, вонзая свои острые коготочки и белоснежные зубки ему в шею как дикая кошка. Состояние аффекта, блаженство, которое он испытал от обладания её телом...

– Заткнись, болтун. Тебе сценарии писать, а он в монтировщики подался.

– Что, угадал?

– Почти. Только фантазия тебя завела очень далеко, ведь ты не видишь на мне следов царапин, нет?... Но, чёрт меня побери, мне и правда кажется, что я испытал примерно то,

что ты тут наболтал, несомненно, я чувствовал всё как наяву, и в то же время этого просто не может быть, не может быть – и всё тут. Мы только с ней болтаем на эту тему, по-детски дразня друг друга.

– Ха-ха, по-детски, дразня, насмешил сравнением. Единственный способ узнать факт соития – это спросить саму Жанну.

– Нет, я не могу.

– Ты по её поведению поймёшь – что было, а чего не было. Тебе надо с ней встретиться. Но, признайся, где граница вымысла, а где реальность?

– Если бы я знал, – сказал я сокрушённо.

Но что-то из всего этого, вопреки здравому смыслу, всё же было. И я достал из кармана пиджака неоспоримое доказательство – чёрную жемчужину.

Эндрю плюнул на палец и, приложив его к своему лбу, зашипел как утюг, извергающий пар.

– Ты её тоже видишь? – насмешливо спросил я.

– Ну и что ты собираешься с этим делать? – спросил он и, как всегда, когда его что-то озадачивало, потёр правое ухо.

– Надо найти эту загадочную тётку, – предположил я, – да, точно, – расспросить Глеба Максимилиановича, где он её подобрал...

– С Максимилиановичем всё ясно – этот просто на женщинах сдвинул...

– Ну, знаешь, не больше остальных... А вдруг он не рас-

колется?

– Расколется, куда он денется, – и Эндрю продемонстрировал свои напряжённые для острастки Глеба Максимилиановича мышцы интеллигента.

У Эндрю зазвонил телефон; выслушав своего абонента, он молча вопросительно воззрился на меня.

– Что? – не выдержал я.

Эндрю почесал правое ухо и спросил:

– А как ты относишься к детям?

– А никак. Не было прецедентов выразить своё к ним отношение, – сказал я, ещё не понимая, куда он клонит.

– Выручай, Жека, выручай. Надо с моей бэби понянчиться. У тётки сердечный приступ, жене надо срочно к ней. Прочитаешь ребёнку книжку про Колобка, он заснёт, а утром с петухами я уже вернусь. Может, и я чем тебе пригожусь, а?...

На ближайшие часов двенадцать я был свободен как вольный ветер, отказать не мог, хотя и не понимал, как я смогу справиться с поставленной задачей.

Благо, Эндрю жил недалеко, и мы, быстро свернув нашу трапезу, длинномерными шагами направились к нему.

Жена Эндрю, обеспокоенная случившимся, ожидала нас у открытой двери; поспешно обменявшись поцелуем с Эндрю, убежала к ещё не закрывшемуся лифту.

Бэби по имени Галя, как Эндрю её называл – Галчонок, сидела за столом и с упоением водила по бумаге фломастерами.

– Будешь слушать сказку про Колобка? – забросил я свой первый педагогический шар.

Бэби отрицательно мотнула головой.

– А что ты хочешь слушать?

Дочка Эндрю была презабавнейшим существом, из тех, которые говорили на своём непонятном малышковом языке-лепете, необычайно комическом и совершенно непонятном. На каком-то интуитивном уровне я всё же понял, что она хочет.

– Эндрю, ребёнок хочет сказку, но не про Колобка.

– Ну расскажи какую-нибудь другую, – донёсся его голос из прихожей.

– Я не знаю сказок.

– Тогда сочини.

– Как это – сочини?!

– Да вот так, сочини и всё. Она всеядна у меня. Любую сочиняй.

– Да, я и смотрю, как она всеядна, – пробурчал я, – про Колобка не хочет слушать. Я не умею сочинять, – сказал я для его ушей.

– Ты определись – не знаешь или не умеешь.

– Я не умею обращаться с детьми.

– Вперёд, не робей, в этом, уверяю тебя, нет ничего страшного, – Эндрю вошёл в комнату и ободряюще похлопал меня по плечу, – дети – это тоже люди, но только о-о-очень маленькие, и их ещё многому надо учить и учить. Я когда-то

не умел быть отцом. Всё когда-нибудь бывает впервые.

Я услышал, как хлопнула входная дверь. Ну, что ж, была не была, я сел на диван напротив детских выжидательных глаз и стал рассказывать первое, что приходило на ум.

Ребёнок внимательно слушал. Значит, я на правильном пути.

5. Сказка о маленькой курочке Фёкле

Маленькая курочка Фёкла сидела на насесте, наклонив влево – по принятой здесь моде – розовый гребешок. «Так я выгляжу как все», – подумала она, отвлекшись от основных мыслей. А мысли её витали далеко от этого места: этого опрятного курятника, чистенького насеста, всегда полной кормушки и специально приспособленного поильничка.

Фёкла грустила. Она грустила о том времени, когда была маленькой жёлтенькой цыпочкой, самой маленькой среди своих сверстниц. И сейчас она не могла оценить великолепия окружающего комфорта богатой птицефермы, потому что всё, что было дорого её душе, осталось там, за огромной оградой. О, как она впервые в жизни захотела стать птицей с большими крыльями, пусть даже хищной, она бы сумела рассказать, зачем ей нужны такие крылья, способные переносить через высокие препятствия и помочь ей в поиске своего родного курятника. Но забор был очень высокий, и, несмотря на свою мечтательную натуру, она понимала, что никогда не станет обладательницей таких крыльев.

К тому же, можно было попробовать уйти через ворота, но существовало препятствие в виде огромного замка, висящего очень высоко. Замок, как и ворота и всё вокруг, был новым, блестящим, недостижимым. Как его открыть?

Ведь он рождён, чтобы охранять. У него свой серьёзный

характер, навыки бдительности и внимательности к каждому, кто выходит и входит во вверенный ему объект, и доверяет он только тому, у кого есть ключ. Ключ – это часть замка, неразрывно связанная с ним, это ключ от его сердца, которое отличается непостоянством: когда замок закрыт, сердце хочет быть доверчивым и открытым, а когда замок открыт, сердце хочет покоя и замкнутого уединения.

Курочка Фёкла, понимая, что её крылья никогда не дадут ей возможности взлететь, стала присматриваться к замку. Она не умела читать мысли, а внешняя суровость замка лишала её решимости заговорить с ним. Он казался ей грозным и неприступным, как и ворота, на страже которых он висел.

Но в бездушии обвинить замок нельзя. Просто не всё зависело от него. Когда ключ от твоего сердца лежит в чьём-нибудь портфеле или кармане, то ты, безусловно, ограничен, не властен над своими поступками.

Но и было бы глубоким заблуждением думать, что Фёкла – из тех, кто отступает перед трудностями. Она совсем даже не из таких, а скорее наоборот. День ото дня Фёкла всё ближе и ближе подходила к замку, она хотела, чтобы он постепенно привык к её присутствию. Так как для неё было очень и очень важно договориться с ним. Она не знала, что её ожидает в будущем, какое оно будет – это её будущее здесь, вдали от дома. А разговор с замком для неё – это шанс оказаться там, где её любили и где она чувствовала себя счастливой.

«Многоуважаемый замок, – немного запинаясь, произнесла Фёкла в один из пасмурных дождливых дней, когда невозможно отвлечься от своего душевного состояния ни прогулкой вдоль длинного высокого забора, ни разглядыванием камешков, травки и других местных достопримечательностей, ни разговором с подружками, обитательницами здешней фермы, – не соблаговолите ли вы выслушать меня?»

Замок блеснул стальной дужкой, но ничего не ответил. Курочка Фёкла даже подумала: а не обидеться ли ей на него. Потом, успокоив себя мыслью, что, возможно, замок её не расслышал, вытянув насколько возможно свою маленькую изящную шейку, она ещё раз более громко повторила своё обращение к нему.

Замок опять, но теперь ещё более решительно блеснул не только стальной дужкой, но и латунным корпусом. Подружка, которая из любопытства сопровождала Фёклу, со смехом фыркнула то ли по отношению к замку, то ли по отношению к Фёкле, которая, надо отдать ей должное, будь последнее предположение верным, не обиделась бы, так как прекрасно понимала, как это выглядит со стороны. Фёкла уже не однажды интересовалась: не хочет ли подружка убежать вместе с ней, но, в отличие от Фёклы, подружку здесь всё устраивало, а рисковать и отправляться неизвестно куда она не желала.

«Пусть смеётся, сколько хочет, – незлобиво подумала Фёкла, – каждый сам выбирает свой путь, конечно, мне было бы не так страшно бежать отсюда, если бы кто-то был рядом,

но – что поделать...»

И тут она заметила, как к ним приближается огромная тень. Испугавшись, стараясь не закудахтать, подружки наперегонки помчались на свой насест. Усевшись на нём, Фёкла замерла в невинной позе, придав своему взгляду равнодушное выражение, наклонив, как принято, гребешок, но вскоре она догадалась, что за чудовище сорвало так долго вынашиваемый план её разговора с замком. И поняла, что зря так испугалась – это был всего лишь пёс, охранявший птицеферму. Он тоже был стражем, и хотя его возможности намного превосходили возможности замка в передвижении по территории, но всё же они занимались одним общим делом: охраняли вверенное им место от непрошенных гостей и, в частности, её, Фёклу, держали взаперти.

Они оба были первым и очень важным препятствием в осуществлении мечты Фёклы вернуться домой, туда, где она родилась, к своей наседке-маме, и где, казалось, помнила каждый шесток, кормушку и каждое пёрышко главного громогласного обладателя самых прекрасных шпор петуха Казимира. И ещё она поняла: если хочешь чего-то добиться, то надо научиться бороться со своими страхами, научиться быть смелой.

На следующий день курочка Фёкла с видом наивной беспечности вышагивала вдоль забора. Было очевидно, что беспечность её внешнего вида обманчива; на самом деле она теперь выискивала хотя бы крохотное отверстие в заборе

или рядом с ним. И тут ей улыбнулась удача – она увидела небольшой просвет, углубление у основания забора.

Она решила дождаться темноты и уже тогда действовать. А сейчас, отсчитав от ямки свои куриные шажки, точно зафиксировав направление, сохраняя безмятежный вид обычной ничего не замышляющей курочки, вернулась на своё место и тихо так сидела, экономя силы для побега. Даже приятельницу не стала тревожить известием о своём решении бежать под покровом уже надвигающихся сумерек.

Ночь на редкость оказалась безлунная. Что, конечно, с одной стороны, облегчало Фёкле задачу не обнаруживать своего передвижения, но, с другой стороны, затрудняло ей возможность ориентироваться, так как приходилось полагаться только на интуицию, зрение в данном случае было бесполезно. Она, бесшумно ступая, отсчитала запомнившиеся заветные шажки до нужного места. Ведь она видела, как в своё время её мама считала пшеничные зёрна, а она всё схватывала налету и, как бы там ни было, считать умела почти с самого рождения. Потом Фёкла повернула направо и, нащупав углубление, смело прыгнула в него. Усиленно заработала лапками, увеличивая ямку. Как ни странно, это ей удалось достаточно легко, видимо, кто-то пользовался этой замаскированной лазейкой и до неё.

Оказавшись на противоположной стороне, она не стала стремглав удаляться от злополучного места, а застыла в некоторой нерешительности; это было обусловлено тем, что

желание взглянуть на неприступную дверь, неразрывно связанную с забором, с той, другой стороны, стороны свободы, было очень велико. Но было очень темно, и Фёкла решила не отвлекаться, а всё внимание сосредоточить на поиски главного направления, которое уведёт её подальше от этого места и приведёт домой. Тем более что здесь, на свободе за пределами забора, она не знала, куда ей следует идти. Выбор стороны, от которой она сделает шаг вперёд по направлению к своей цели, сократился до одной стороны забора, той, которая была за её спиной. Но это служило слабым утешением, так как правильное направление могло быть где угодно, а исследовать три другие стороны забора, растянувшиеся на много-много куриных шажков, не представлялось возможным.

Фёкла никогда не бродила ночью, но только под её покровом она могла уйти далеко, и её побег мог оставаться долго незамеченным. Но глаза не привыкали к темноте, наоборот, может, от волнения, но она, казалось, различает всё вокруг себя ещё хуже, и курочкой начало овладевать отчаяние.

Светлячок, оказавшийся рядом с Фёклой и засветившийся в этой крошечной непроглядной тьме, так её обрадовал, что она от радости захлопала крыльями, чем испугала его. Темнота вновь сгустилась.

– Где ты, светлячок? – позвала Фёкла, – я тебя не вижу. Мне очень страшно, я натыкаюсь на каких-то страшилищ, мне кажется, что кто-то хочет схватить меня, если тебе не

трудно, посвети ещё, и я найду заветную тропинку домой.

И вдруг Фёкла увидела не один, а много светящихся огоньков.

– Спасибо, светлячки, вы светитесь для меня своими добрыми сердцами.

Она более уверенно зашагала по освещённой тропинке и вдруг услышала тяжёлые шаги позади себя. Укрыв свой грёбешок крылышком, приготовилась к самому худшему.

А почувствовав жаркое дыхание над самым ушком, чуть не лишилась чувств от страха.

– Я хоть и сторожевой пёс, – услышала она, – но не бойся, я не трону тебя, мне самому не нравятся порядки на ферме, которую я сторожу, но – что поделаешь, хозяев не выбирают. А работа везде одинакова. Мой дом там, где есть крыша над головой, где есть миска похлёбки, где хоть иногда почешут за ухом и похвалят за хорошую службу. Если тебе удалось выбраться, я не буду тебе мешать, иди, но я часто забегая в лес и точно знаю, что в округе нет никакого жилья и курятников, и прежде чем отправиться дальше в дорогу, ты хорошенько подумай. Здесь ты в тепле и накормлена, а там, куда ты идёшь, может, и дома уже нет, и насеста, и всего того, к чему ты так стремишься.

Фёклу нельзя обвинить в упрямстве: она просто хотела идти туда, где чувствовала себя счастливой своим курочкиным счастьем. Хотя она, как и люди, не находила объяснения этому слову.

Пёс, порывав для острастки в сторону леса, так, на всякий случай, чтобы враг, затаившийся в кустах, в траве или в норе, знал, что, если он обидит курочку Фёклу, то дело будет иметь с ним, сторожевым псом. Курочка немного успокоилась, светлячки передавали эстафету друг другу, и она, чувствуя их поддержку и ещё слыша отзвуки угрожающего рычания пса, предназначенного её незримым недругам, продолжила свой путь.

Начинало светать, а лес всё тянулся чередой огромной высоты деревьев, непроходимых кустарников, густых трав...

Запоздало ухнул филин, пролетел над присевшей от страха Фёклой как огромный лайнер, который она видела однажды высоко в небе, загородив собой блики зарождающегося рассвета. И тут же раздался такой звук, какой она слышала, когда человек сколачивал ящик для перевозки курочек. Так дятел, стучавший по осине, легко ввёл её в это заблуждение. Она споткнулась о щепку, упавшую сверху.

– Ой, – вскрикнула она от неожиданности.

Дятел, увлечённый своим любимым делом, продолжал разбрасывать щепки во все стороны, а голова, украшенная красной шапочкой, прочным клювом продолжала выбивать барабанную дробь, создавая свою партию в мелодии леса. Фёкла остановилась передохнуть и, мечтательно задрав голову вверх, засмотрелась на красивые пёрышки дятла, переливающиеся в лучах предрассветного солнца.

«Нет, – улыбнулась она, – всё же никто не может срав-

ниться с петухом Казимиром: с его красным резным гребешком, радужными перьями, когда он, кукарекая, победоносно хлопая крыльями, созывает своих курочек полакомиться плодами охоты. Да и жить в дупле, наверное, всё-таки не так удобно и не так интересно, как в курятнике. Где так весело рядом с мамой, вместе с подружками играть, клевать овёс и блестящий речной песок, восхищаться бесстрашным задирой – заступником Казимиром, только с ним чувствуя себя защищённой от всего плохого, что может угрожать курочкам. Если уж переживать опасности и лишения жизни, то только вместе с теми, кто любит и понимает тебя и кого понимаешь и любишь ты, а это возможно только в стенах родного дома, в кругу своих родных и близких. Ах, как это важно – быть там, где ты чувствуешь себя совсем-совсем счастливой...»

В то время, пока сверху продолжали падать выдолбленные крепким клювом дятла кора и древесные щепочки, совсем рядом, из соседнего кустарника, она услышала сначала «Ку-ку», а потом глухой пугающий хохот. Фёкла во всю прыть побежала, не разбирая дороги, мелко семена своими лапками и, насколько было возможно, помогая себе крыльями. Она долго бежала, но хохот, казалось, гнался за ней по пятам. Споткнувшись о торчащие из земли огромные корни, она упала без сил. Кукушка, а это именно она издавала звуки, так напугавшие курочку, присела неподалёку от неё и, всё ещё продолжая смеяться, сказала:

– Хоть мы, кукушки, не строим себе гнёзд, тем более – в виде дупла да ещё так высоко, как это делает дятел, считая это бесполезной тратой времени, но наши кукушата никогда не остаются без дома. Мы их устраиваем на чужие насесты, так, кажется, у вас называются гнёзда, и посторонние сердобольные родители воспитывают их. Ха-ха-ха, – опять раздалось у самого уха Фёклы.

Фёкла не смела возразить, но, открыв пока только один глаз и не заметив ничего страшного в обладательнице голоса небольшой серой птичке, сразу приободрилась и, не вступая в рассуждения, упрекая себя за трусость, пошла туда, где, как ей казалось, находится её дом. Фёкла была ещё очень молода, и её характер только начинал формироваться, но она отлично знала и без всяких объяснений, что жить за счёт других – неправильно, она не одобряла образа жизни кукушки и, мечтая о своём будущем, видела себя заботливой самостоятельной курочкой, отдающей всю себя без остатка своим малышам.

Изложить точно слово в слово ту сказку я, конечно, сейчас не могу, но текст очень близок к оригиналу. Кто заснул раньше – Галчонок или я, и сказка осталась незаконченной, трудно сказать, но то, что Эндрю нашёл меня спящим на коврике на полу, возле детской кровати, это сомнений не вызывало.

Глава третья

1. Инфернальное облако

Жанна, казалось, родилась в рубашке инфернального облака вселенской нелюбви. Воспоминания матери о родах будили в ней нереальную память или невиданную фантазию возможности того, что она, Жанна, действительно помнит, как специально доставляла матери нестерпимую боль тем, что долго не хотела появляться на свет.

Мать кричала и материлась на стоявших вокруг неё акушеров, старавшихся ухватить головку и вытянуть младенца на свет божий. Когда, наконец, она разрешилась от бремени, проверочный вопрос на вменяемость роженицы: «Кто у вас родился, девочка или мальчик?» – вызвал у новоиспечённой мамы гомерический хохот. Потом, встретившись со взглядом только что родившейся дочери, могла поклясться: во взгляде младенца она уловила насмешку, если это вообще возможно... Её передёрнуло, как от озноба. Оказавшись в палате среди счастливых мамаш, что-то лепечущих своим новорождёнными чадам, она подверглась массирующей атаке стадного чувства. С усилием отогнав от себя внезапно нахлынувшую неприязнь и нацепив на лицо улыбку умиротворённого материнства, закрыла глаза и подставила свою грудь

для первого кормления, которое впоследствии, следуя спортивной терминологии, она вспоминала не иначе, как первое состязание с новорождённой дочерью; между ними была ничья, никто не добился своей цели: грудь ещё не наполнилась молоком – ребёнок остался голодным, но требовательная хватка беззубой челюсти младенца порядком потрепала её сосок.

Такой «привилегией», как посещение детского сада, Жанна пользовалась сполна. Домой её забирали исключительно только на выходные, и кроме неконтролируемого раздражения, упреков и недовольства матери одним лишь её присутствием, Жанна по отношению к себе не чувствовала.

– Какая у вас упрямая девочка, – говорили матери Жанны в детском саду. – Ни за что не попросит прощения, а будет упорно стоять в углу вопреки всем разумным педагогическим доводам. Вам, наверное, очень тяжело с ней приходится?

Мать Жанны недоумевала по поводу высказываний воспитателей детского сада: ребёнок как ребёнок. Дома её не видно и не слышно.

– Может, мне наподдать ей хорошенько, внушить, так сказать, как нужно себя вести?

– Что вы, ни в коем случае, несмотря ни на что – они же детки, ещё ангелы, – мягким спокойным тоном возражала педагог-психолог детского сада, – хрупкая детская душа – лист чистой бумаги. Как постигнуть мир и понять, что ты

сделал не так, за что тебе взрослые делают больно. За что ставят в угол, бьют ремнём, часто даже не объясняя, в чём же вина ребёнка, совершающего тот или иной поступок в первый раз. И вот – уже сделаны первые тёмные штрихи в этой открытой миру, солнцу детской душе. Появляются ростки обиды и скрытой ответной агрессии на непонятный жестокий мир взрослых. И листок великолепной чистой бумаги – душа ребёнка – постепенно превращается в лакмусовую бумажку, отражение тех, с кем она рядом. Ребёнок становится замкнутым, затравленным, закомплексованным волчонком, желающим только одного: чтобы эти взрослые оставили его в покое. А такие взрослые мамы и папы, ограниченные, нравственные, прямо скажем, уродцы, вершители детских судеб могут даже получить всплеск положительных эмоций от наказания своего ребёнка, убеждённые в том, что они не бездействуют, а очень активно занимаются воспитанием своего отпрыска.

И мать Жанны, удивляясь этим странным речам, даже не догадывалась, насколько сказанное было близко к истине в формировании характера Жанны.

Упрямство? Да, оно проявлялось внезапно, как неуправляемая молния, и здесь уж – бей её хоть чем, даже рукояткой веника, она не будет плакать, не будет убегать или защищаться, а будет стоять и упорно принимать удары без единой слезинки на лице и с отрешённым безразличием в глазах. Но это ж бывает так редко. Пусть не наговаривают. Она обычная

– такая, какими должны быть дети в её возрасте.

С упрямством сорняка сквозь плотную кору асфальта Жанна пробивалась к месту под солнцем, – так сказал бы о ней писатель.

Находясь в одном пространстве, мать и дочь редко соприкасались: если мать была дома, то Жанна носилась где-то на улице, не докучая своим присутствием, боясь натолкнуться на грубость. Так и жили: если мать на порог, дочь за дверь, если мать за дверь, дочь на порог. Они почти не виделись в моменты их вынужденного совместного пребывания дома. А если вдруг мать и дочь оказывались вместе, то Жанна вела себя так, что «через неё можно было смотреть телевизор» – настолько её присутствие было незаметным.

Разговоры на общей кухне огромной коммуналки – бурлящей, кипящей, пахнувшей всем на свете – делали мать Жанны невольной слушательницей соседки, бывшей актрисы, которая даже нравоучительные темы излагала с театральным эмоциональным накалом мелодраматических страстей. Время от времени разговоры вращались вокруг школы. Племянник, часто гостивший у авторитетной, но, надо заметить, одинокой соседки, был не совсем прилежным учеником и, получив очередную двойку, прятался от гнева родителей под крылом обожавшей его тётушки.

– Нынешние школы, – вещала тётушка-оракул, – просто вызывают отвращение, и кто в них преподаёт: учителя, не умеющие объяснить свой предмет. Они просто прикрывают

свою безграмотность наносной строгостью по отношению к школьникам. Я считаю, что, поставив двойку, ты подписываешься в своей несостоятельности учителя, педагога и личности, в способности существовать в этой очень сложной профессии, требующей от человека не только больших знаний в своём ремесле, но и определённой организации мышления, высокого морального уровня. Настоящий педагог – это человек с большой буквы, который не угнетает таланты и достоинства ребёнка, а лишь стремится подавить его отрицательные зачатки проявления характера и не выравнивает всех в одну линию, не измеряет одной меркой, а даёт вырасти индивидуальности.

Последние слова, как правило, произносились не менее чем на тон выше, и для весомости сказанного указательный палец застывал перед глазами ближайшего к ней слушателя; казалось, что для убедительности её напудренный нос почему-то зрительно вытягивался, ставя восклицательный знак под всем сказанным.

– Вот, значит, какие сейчас учителя, – с видом непоколебимой уверенности во всём том, что вещала бывшая актриса, вторила ей мать Жанны, – вот кому мы доверяем своих детей.

Соседка, довольная произведённым её речью эффектом, достаивала своих слушателей многозначительным взглядом и улыбкой густо на помаженных губ.

В школьные годы Жанна также целыми днями была

предоставлена сама себе. Никого не интересовало, где она бывала и с кем, приходила в определённое время домой – и этого достаточно, больше от неё ничего не требовалось. Главное внешнее благополучие и внешнее исполнение материнского и дочернего долга. Ни мать, ни дочь не интересовались делами друг друга. И если Жанна приобретала какие-нибудь навыки в жизни, это только благодаря своему желанию этим чем-то заниматься. Иллюзия семьи, её видимые атрибуты для Жанны были соблюдены: накормлена, напоена, одета. Отношение похожее на кость, брошенную собаке: вроде участие проявлено, а уж подавится она ей или нет – никого не волновало. Положительное мнение как о прилежной матери есть. Что ещё нужно?...

Мать Жанны была очень далека от мысли, что у ребёнка может существовать собственный внутренний мир, в котором она, мать, должна занимать главное место – как пример для подражания, как источник любви и нежности, как опора и советчик в трудностях, с которыми встречается её несформировавшееся в нравственном, человеческом плане дитя.

Жанна не понимала, почему некоторые девчонки, с которыми она общалась, повторяли: «А вот моя мама говорит...» И беспрекословно делали то, что говорила им мать. Она, ни разу не заснувшая под колыбельную, не знавшая материнского поцелуя перед сном, – из какого источника она могла напиться всем тем богатством чувств, которые может дать только мать, если этот источник безнадежно скрыт под

огромным слоем равнодушия и неприязни к ней, Жанне.

Она же испытывала только чувства обиды и неприкаянности. Но, по мере взросления, Жанна запретила себе плакать и стала воспринимать отношение матери и окружающих людей к себе как само собой разумеющееся, другого отношения она просто не знала, и ей казалось, что за дверью каждой семьи живут такие же «зверушки»: «Так устроен мир», – решила она и стала вырабатывать в себе иммунитет независимости.

2. Жемчужные слёзы

Во сне с Жанной происходили необычные, сказочные события, и, пробудившись ото сна, ей так хотелось поменять местами сон и реальность.

И эта ночь не была исключением: во сне она – Жанна – юная принцесса далёкого острова в океане. На острове – изумрудно-зелёные лианы с круглыми листьями и красными цветами, похожими на гигантские колокола.

Лёгкий ветерок, дующий с океана, касается их, они отвечают ему покачиванием и нежным, чуть звенящим пением. Лианы укрывают собой от яркого солнца дворец с колоннами и античными статуями, окнами из разноцветных мозаичных стёклышек, которые, мерцая бликами, создают внутри замка обстановку умиротворения и покоя. Принцесса лежит на кровати под шёлковым балдахинном. На мраморном столике рядом с кроватью – вазы с заморскими фруктами, кувшины, наполненные нектаром. Воздух насыщен запахом ванили. К ней подходит принц, становится на одно колено и обращается со словами: «С днём рождения, Жанна. Я так тебя люблю. Будь моей женой», – протягивает шкатулку, в которой – необыкновенной красоты жемчужина. Жанна счастлива, одно огорчает: лицо принца остаётся для неё загадкой, оно всё время ускользает от её пристального взора... Вдруг с моря дует сильный ветер, начинается шторм, который смывает в

океан дворец, принца...

Слёзы обиды катятся по её лицу. Слезинок очень много. Они падают вокруг, падают ей в ладони... превращаясь в жемчужины... Она судорожно сжимает их в кулачок и тут просыпается оттого, что мать тормозит её со словами:

– Что ты дрыхнешь, соня, а ну вставай, день рождения свой проспай...

Ей хочется вернуться в сон. Ведь она так и не разглядела лицо принца...

Сквозь смеженные веки видит, как по половице ползёт ленивый таракан.

Жанна зажмуривает покрепче глаза, стараясь тем самым остановить момент пробуждения, вновь погрузиться в небытие сна, потому что реальность такая, что гнуснее не придумаешь...

Сон не возвращается, но она вся во власти его магии, ей хочется верить, что такое сновидение в ночь накануне дня рождения – не случайно.

Окончательно пробудившись, Жанна разжимает кулачок и обнаруживает несколько монет. Игра матери в заботливость не трогает сердце девочки, она отчётливо понимает: сегодня выходной, и мать дала ей деньги не щедрости ради, а главным образом желая сбегать её с глаз долой, чтобы она не досаждала своим присутствием дома. Жанна отмахнулась от этих мыслей как от назойливых мух, стала вспоминать, как выглядела необыкновенная жемчужина, увиденная

во сне, мечтать, что когда-нибудь эта жемчужина волшебным образом перенесёт её к принцу – в тот удивительный мир, на далёкий остров, в ту, другую и красивую жизнь.

3. Потомственный ювелир

Жанне часто снился именно жемчуг: он манил её, завораживал, и она время от времени подходила к витринам ювелирных магазинов, чтобы просто им полюбоваться.

Порой, насмотревшись на жемчуг, она как завзятый грибник, наштававшийся по лесу в поисках грибов, зажмурив глаза, продолжала его находить.

До открытия ювелирного магазина оставалось около пятнадцати минут. Василий стоял и задумчиво смотрел, как на улице по ту сторону витрины снуют люди, иногда останавливаясь и вглядываясь в украшения на тёмно-синем бархате. Ещё до революции его пращур по отцовской линии считался признанными мастерами ювелирного дела по изготовлению украшений и изделий в технике скани и зерни.

С молодых ногтей Василий, находясь в фееричном блеске драгоценностей, казавшемся ему совершенно обыденным, непроизвольно впитывал азы ювелирной техники – филиграни, объединяющей искусство скани и зерни, – нанесении узоров из тончайшей витой золотой и серебряной проволоки, припаянной к металлическому фону, одному из древнейших видов художественной обработки металла, на котором специализировалась их семья. Он ещё не мог написать слово «мама», но то, что самыми известными сканщиками пятнадцатого века были инок Амвросий и Иван Фомин, он уже

знал.

Сейчас Василий добросовестно продолжал дело своих предков, но это происходило больше из чувства долга. Он не мог допустить, чтобы достигнутое мастерство, в которое было вложено столько сил, захирело и сошло на нет. Кроме него продолжить, возглавить и высоко держать марку величия их ювелирного дома было некому. Но, несмотря на всю свою ответственность, он всё же воспринимал свою роль в этом серьёзном деле как игру. Многие пользовались его доброхотством, большей частью полагая, что он этого не замечает, за его спиной часто можно было слышать: «Не от мира сего».

В своём королевстве филиграни он был дружелюбным королём, прельщающим гостей богатым выбором великолепных изделий и украшений из драгоценных металлов и камней. Он являл собой гостеприимного хозяина, хлебосольно предлагающего каждому посетителю испить чаю или кофе, кусить кондитерского яства, порадоваться скидке, бонусу, подарку, причём не только в дни социально-общественных и личных событий – праздников, свадеб, дней рождений...

Бизнес – и вопреки, и благодаря – процветал.

И сейчас, находясь уже в зрелом возрасте, Василий помнил, будто это случилось вчера, свою первую подвеску из медной проволоки, сделанную собственными руками, без какой-либо опеки со стороны взрослых. Сам собрал горелку из компрессора от аквариума, пластмассовой трубки и

колбы для химических опытов с резиновой крышкой. Очень долго добивался тонкого, «игольного» пламени из этого самодельного паяльного аппарата. Молоточком, расплющивая проволоку, повторяя эскиз, завиток за завитком, разогревая пламенем, осыпая волшебной растекающейся по узору вскипающей бурой, пинцетом распределяя припой на стыках кружевных деталей подвески, он не испытал чувства необыкновенной эйфории, чувства власти над металлом, которая, как он слышал, важна в ювелирном искусстве; да, он увидел превращение куска невзрачной проволоки в украшение, но воспринял всё произошедшее как эксперимент, и чувства его были сродни тем, что возникают на уроке химии или физики, когда этап познания путём эмпирического метода удался. При первом подвернувшемся случае он подарил подвеску кому-то, не запомнив даже – кому и не удосужившись показать родителям свою первую ювелирную поделку.

Родители, когда подошёл, по их мнению, момент овладения профессией, не могли заставить Василия всерьёз прислушаться к их наставлениям. В мастерской его привлекали только уже готовые ювелирные изделия, которыми он восхищался, но заставить себя сидеть целыми днями в четырёх стенах и корпеть над их изготовлением, посвятить этому свою жизнь, когда вокруг так много интересного, он не представлял возможным. Как и всякого мальчика интеллигентных родителей, его не миновала участь попробовать свои силы в музицировании, изучении иностранных языков, искус-

стве рисования, и склонность к последнему занятию предоставила возможность компромисса: использования будущих навыков художника для дизайнерских решений, в разработке эскизов ювелирных украшений.

На том и порешили: родители, смирившись, но всё же надеясь, что в будущем чувство долга возымеет над ним верх, одобрили поступление сына в Государственный университет на факультет изобразительного искусства и народных ремёсел. Василий без особого труда выполнил карандашный рисунок гипсовой головы, натюрморт акварелью и орнаментальную композицию в смешанной технике и написал изложение, что требовалось на вступительных испытаниях. Шесть лет проучился с удовольствием, с упоением осваивая рисунок, живопись и композицию, штудирова философию, историю отечественного и зарубежного искусства и культуры и многое другое, что формировало, отшлифовывало его взгляды на жизнь в целом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.